

Культура или политика?

Проект «Основ государственной культурной политики», размещенный на сайте Кремля, мало чем отличается от первоначального (разработанного Минкультот) варианта, вызвавшего критику представителей научного сообщества. Никто не спорит с необходимостью защиты и развития русского языка, обеспечения равного доступа граждан к культурным ценностям, создания «эстетически ценной архитектурной и иной предметной среды», поддержки книгоиздания, музейного дела и «кинематографа как искусства», привлечения детей и молодежи к участию в творческих коллективах и т.д. Замечательно, что авторы проекта предлагают закрепить «приоритет права общества на сохранение материального и нематериального культурного наследия России перед имущественными интересами физических и юридических лиц», говорят о целесообразности «перехода к управлению и обеспечению деятельности институтов культуры преимущественно на основе качественной оценки» ее результатов. В документе уже нет спорного утверждения, что «Россия не Европа», хотя и говорится о какой-то особой российской «модели общественного развития». Трудно не согласиться с целевой установкой «формирования нравственной, самостоятельно мыслящей, ответственной личности», с необходимостью «гуманизации образования» и «создания качественной информационной среды».

Тем не менее, проект оставляет много вопросов.

Не вполне ясно, каким образом государственная культурная политика может, как записано в документе, «постоянно корректироваться в зависимости от изменений внутренней и внешней ситуации». Не расшифровывается понятие «общенациональная идеология развития» (гл. I), с «утверждением» которой разработчики связывают перспективу «динамичного развития» России как «сильной, единой, независимой во всех отношениях» державы (и в чем отличие такой «общенациональной» идеологии от «государственной или обязательной» идеологии, запрет на которую устанавливает ст. 13 Конституции РФ). В главе «Цель, содержание и принципы государственной культурной политики» говорится о «преодолении недоверия граждан к власти» – задача, которая не имеет ничего общего с культурной политикой в демократическом правовом государстве.

В гл. III (§ 2) отмечается важность того, чтобы «в картине мира современных жителей планеты в максимально возможной степени присутствовала российская оценка текущих событий». Успешное решение поставленной задачи, как поясняется далее, «зависит от насыщенности Интернета ресурсами на русском языке». Эта «зависимость» совершенно не очевидна: большинство «современных жителей планеты» не владеют русским и, соответственно, не являются пользователями русскоязычных ресурсов.

В § 6 категорически утверждается, что «существовавшие в советское время формы поддержки профессионального творчества в современных условиях воспроизведены быть не могут», и констатируется необходимость создания новой, отвечающей этим современным условиям, системы «выявления и поддержки талантливых художников». Однако далее, в § 11, говорится о том, что задачей культурной политики государства «должно стать восстановление доказавшей свою эффективность системы... подготовки профессиональных творческих кадров» (очевидно, речь идет как раз о *советской* системе).

В § 10 утверждается, что «только развитие наук об искусстве и культуре сделает возможным формирование отечественного экспертного сообщества в этой сфере», – как будто в России никогда не существовало такого сообщества и его лишь предстоит создать.

Авторы проекта ратуют за «повышение качества владения родным языком гражданами, в том числе представителями власти» и отмечают опасность «продолжающейся нарастать функциональной безграмотности, когда человек ... затрудняется устно или письменно выразить собственные мысли». Текст документа подтверждает справедливость этих опасений. Складывается впечатление, что его сочинителям очень хотелось сказать что-то важное и значительное, однако они *затрудились* выразить свои мысли на литературном русском (чего только стоят их рассуждения о насущной потребности «соединения культурных ценностей с обществом» или ремарка о том, что все пользователи Интернета «что-то создают и распространяют вне зависимости от образования, кругозора, жизненного опыта, знания предмета, психического здоровья и их истинных намерений»).

В § 7 сказано: «...классические учреждения культуры оказывают обществу услуги, сравнимые с услугами армии, защищающей жизнь граждан и безопасность страны». Сравнение представляется не самым удачным (хотя глава рабочей группы по подготовке документа, бывший министр обороны Сергей Иванов, возможно, так не считает).

В заключительной части проекта содержится странный пассаж о «невозможности достижения поставленных в Основах государственной культурной политики целей» при сохранении «существующей системы государственного управления», и констатируется необходимость (!) «достаточно глубокой реформы этой системы». О содержании предлагаемой – «*достаточно глубокой*» – реформы не сказано почти ничего (только то, что система госуправления «должна быть сущностно перенастроена на иные приоритеты», а именно «приоритеты культурной политики»). Столь загадочные формулировки открывают простор для самых различных предположений и интерпретаций.

В целях «осуществления соответствующих реформ» авторы документа предлагают учредить специальный орган с «обширными правами межведомственного и межрегионального уровня, достаточными кадровыми и финансовыми ресурсами». Целесообразность создания такой структуры (учитывая, что разработка и реализация государственной культурной политики входит в компетенцию Минкульта) вызывает сомнения.

В целом документ носит декларативный характер, в нем много благих пожеланий и мало конкретики. А дьявол, как известно, кроется в деталях. Остается лишь сожалеть, что подобные опусы – продукты коллективного творчества анонимных гелертеров-прожектеров – то и дело рождаются в недрах всевозможных экспертных структур и даже выносятся на публичное обсуждение.

И.Д. Джохадзе